

Ю. Е. БАРЛОВА

СИСТЕМА СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ В АНГЛИИ XVII — ПЕРВОЙ ПОЛ. XIX ВВ. И КОНСТРУИРОВАНИЕ НАРРАТИВОВ О «СТАРОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ О БЕДНЫХ»

В 1834 г. в Англии была проведена реформа законодательства о бедных, которая, как считают многие исследователи, разделила историю британской социальной политики на «до» и «после», «покончив раз и навсегда с любыми сантиментами в отношении бедняков»¹. Акт 1834 г. отменил дотации неимущим и нуждающимся, поместив в центр новой системы социальной помощи институт работных домов — тех, которые Чарльз Диккенс позднее описал как цитадели жестокости и бесчеловечности в отношении самых слабых и уязвимых слоев населения. «Закон о поправках к законодательству о бедных», тем не менее, был принят с удивительным единодушием, на волне практически единогласной критики в парламенте и обществе так называемой «старой системы» социальной помощи бедным.

Общее мнение относительно этой системы и, можно сказать, «генеральную линию» аргументов и общественных настроений того времени выразил граф Алексис де Токвиль, посетивший Англию накануне реформы, в 1833 г.: «Англия — богатейшее государство Европы, но в ней наиболее велик процент населения, зависящий от организованного милосердия... В странах, где большинство населения плохо одето, живет в плохих условиях, плохо питается, разве кто задумается о чистых одеждах, о здоровой пище, о комфортном жилье для бедных? Большинство англичан, имея все это сами, считают отсутствие этого пугающим бедствием. Это общество... лечит беды, которые в других местах не замечают. В Англии средний уровень жизни, на который может рассчитывать человек, выше, чем в любой другой стране мира. Но это значительно усиливает разрастание пау-

¹ Jones K. The making of social policy in Britain. L., 1996. P. X.

перизма в данной стране»². Токвиль, таким образом, находил систему помощи бедным в Англии «избыточной, несовершенной» и полагал, что она «лишь увеличивает число «нуждающихся».

Приведенная цитата — частью нарратива, в рамках которого в течение как минимум нескольких десятилетий, предшествовавших принятию Акта 1834 года, в Англии велись дискуссии и публиковались исследования о проблемах бедности, нищеты и безработицы. Этот нарратив иногда именуют «вигским» — возможно, потому, что реформа 1834 г. была проведена парламентским большинством, тогда еще определявшим себя как партию вигов. О его популярности и распространенности может свидетельствовать хотя бы то, что даже после реформирования «старой системы» в XIX в. отрицательный образ последней довольно долго оставался доминирующим в историографии британской социальной политики. В современной историографической полемике по этому вопросу «вигский нарратив» также занимает весомое место, представляя собой одну из двух основных аргументативных стратегий.

Вопросы, которые в связи с этим могут возникнуть у историка, следующие. Насколько совпадал нарратив, сконструированный *накануне* реформы, и во многом — *ради* реформы 1834 г., с тем, что представляло собой «старое законодательство о бедных» как политический, юридический и социальный феномен? Почему в общественно-политическом дискурсе страны, имеющей такие давние традиции помощи бедным, победило неприятие *бедноцентристской* системы (такое название предлагают современные сторонники «вигской» трактовки)? Как и в связи с чем менялись оценки природы и значения «старого законодательства» со временем? Наконец, каким образом конструирование тех или иных трактовок проблемы бедности интеллектуалами и политиками было связано с динамикой восприятия бедности в обществе на обыденном уровне?

История законодательства о бедных в Англии действительно уникальна. Первые прецеденты государственных постановлений, предписывавших ту или иную помощь нуждающимся, восходят к XIV в. Так, еще в 1388 г. статут Ричарда II «О помощи бедствующим подданным» предписывал лендлордам в обязательном порядке забо-

² Цит.: Slack P. Poverty and Policy in Tudor and Stuart England. L., 1993. P. 5.

таться о бедняках, проживавших на их землях. В эпоху правления династии Тюдоров в Англии и Уэльсе было принято 17 актов и статутов, которые можно было характеризовать как «законы о бедных». Наибольшее значение традиционно придается «Акту о помощи бедным» 1597 г., юридически закреплявшему необходимость социальной помощи «пожилым, беспомощным и бедным людям, ...больным и искалеченным солдатам и морякам, ...сиротам, ...одиноким женщинам; ...молодым торговцам, ремесленникам и людям, чьи дела находятся в упадке; и другим для ...облегчения участи бедных жителей...»³. Закон этот учреждал систему приходских попечителей по призрению бедных (*overseers of the poor*), предписывал сбор налогов в пользу бедных (*poor rates*) в каждом приходе, разрешал помогать т.н. «трудоспособным пауперам» (людям без собственности, профессии и средств к существованию), которые, однако, должны были отработать получаемую помощь на благо прихода, и вводил «обязательное ученичество» детей бедняков как подмастерьев⁴. Провозглашался также принцип «взаимной ответственности» родителей и детей, обязывавший трудоспособного человека содержать, под угрозой ежемесячного штрафа в 20 шиллингов, «неимущих, старых, слепых, хромых и немощных» родственников⁵.

Одновременно, однако, увидел свет и другой документ — «Акт о наказании бродяг, праздношатающихся и упорных нищих». Этот закон стал продолжением серии актов, принятых еще в середине XVI в. Генрихом VIII — «О египтянах» (так тогда называли цыган) и «О наказании нищих и бродяг». Перечисленные группы населения в раннее новое время действительно представляли серьезную угрозу общественному порядку и спокойствию, поэтому законодатели постарались как можно детальнее разграничить тех, кто, в силу возраста или болезни, «был *вынужден* жить за счет помощи и милосердия», и «упорных бродяг» (*sturdy vagabonds*), «нарушителей спокойствия» (*rufflers*), «не боящихся наказания попрошаек» (*valiant beggars*), «ленивых праздношатающихся» (*idle wanderers*), «жуликов» (*rogues*), «бродяг» (*tramps*), «браконьеров» (*poaches*). Показательно

³ Elizabethan Poor Laws 1597–1601 // http://www.en.wikipedia.org/wiki/Elizabethan_Poor_Law

⁴ Ibidem.

⁵ Nicholls G. A History of the English Poor Law. Vol I. L., 1898. P. 125.

богатство определений, многие из которых в англо-русских словарях переводятся одинаково — «бродяга» или «нищий». Акты Генриха VIII предполагали физическое наказание таких людей, принуждение их к работе или помещение в больницы и «дома исправления». Акт 1597 г. отличался тем, что давал более точное определение для каждой «не заслуживающей помощи» категории населения и предполагал такую дополнительную меру воздействия, как высылку к месту рождения или постоянного проживания⁶.

В 1601 г. законы 1597 года были снова пересмотрены и усовершенствованы: более детально излагался порядок и механизм сбора налогов, появились пункты о полном запрете бродяжничества и попрошайничества (разрешалась лишь милостыня в виде еды), а также об ужесточении наказания бродяг. Эта новая редакция получила название «Акт о законодательстве в отношении бедных» 1601 г.⁷ и до сих пор считается столпом всей «старой» системы социальной помощи в Англии. «Закон о бедных» сопровождался отдельным постановлением «Об использовании благотворительных средств», которое закладывало основы т. н. «частного сектора» системы социальной помощи; документ поощрял благотворительность, «продвигал» идеи филантропии среди аристократов и купцов, перечислял основные нужды, на которые могут быть направлены благотворительные средства, учреждал комиссию, которая должна была контролировать благотворительные трасты в Британию. С этих пор частная благотворительность, *филантропия*, становится важным элементом британской социальной политики. На протяжении XVII–XVIII вв. филантропы основывали дома призрения, больницы, учреждали фонды для обучения пауперов, предоставляли займы бедным или разорившимся торговцам, жертвовали на пособия безработным. В XIX веке частью «частного сектора» становятся организованные «на паях» ассоциации рабочих для взаимопомощи в случае нужды, болезни или смерти — «дружественные общества» (*friendly societies*).

По сути, принятие «законов о бедных» означало, что государство берет на себя ответственность за социальную помощь, начинает создавать комплекс институтов и мер для ее реализации и определя-

⁶ Ibid. P. 128.

⁷ Еще он известен под названиями «Елизаветинский закон о бедных» и «Старый закон о бедных».

ет категории тех, кто в этой помощи нуждается. Однако механизм воплощения этих законов в жизнь носил не общегосударственный, а, скорее, местнический характер. Каждый приход назначал неоплачиваемого («на общественных началах») попечителя, который должен был собирать налоги с каждого «занимающего землю» жителя прихода, пропорционально его доходу, и направлять эти средства для «помощи беднякам данного прихода». Помощь могла осуществляться в различных формах: еженедельные прямые денежные выплаты, обеспечение одеждой, едой, жилищем, медицинская помощь больным и старикам, помощь одиноким матерям (поиск отцов и взыскание с них средств в пользу детей вплоть до «созревания» последних), предоставление убежища бездомным. Трудоспособные безработные получали пособие по безработице (*dole*), но должны были отработать какое-то время на «пополнении материальных запасов прихода». При этом магистраты несли ответственность за то, чтобы каждый приход знал своего попечителя и чтобы последний выполнял свои обязанности. Выявленные нарушения (например, если в приходе обнаружится трудоспособный паупер, который получает пособие, но не работает) грозили наказанием. Со своей стороны, работодатель нес ответственность за сохранение рабочих мест в периоды кризисов или неурожаев, что «являлось отражением традиционного ожидания от хозяина ответственности за благосостояние своих слуг» — т.н. «патерналистской модели» отношений работодателя и работника, характерной для доиндустриального общества⁸.

Децентрализованная природа воплощения закона 1601 г. в жизнь, с одной стороны, предопределила «неровность» его применения (налоги собирались локально, их сложно было контролировать, у местных законодателей была возможность поднять «порог бедности», чтобы распределять средства среди «заслуженных бедных» или же чтобы заставить работать «незаслуженных бедных»). С другой стороны, он продолжал действовать, например, когда центральное правительство было озабочено разрешением политического и социального кризиса середины XVII века⁹.

⁸ Leonard E. M. The History of the English Poor Relief. L., 1965. P. 226-236.

⁹ Это обстоятельство, отмечали как положительную сторону «старой системы» фабианские социалисты, в частности С. и Б. Веббы: Webb S., Webb B. English Poor Law History: Part One, The Old Poor Law. L., 1929. P. 80, 95-106.

В эпоху правления Стюартов и первых трех представителей Ганноверской династии «старый закон о бедных» был снова дополнен рядом поправок. Так, «Акт об оседлости» 1662 г. утвердил своего рода «институт прописки» нищих: приход, являющийся для нищего его (ее) местом оседлости, нес за него (нее) ответственность в случае возникновения необходимости в социальной помощи и в обязательном порядке платил за него (нее) соответствующий налог. Каждому пауперу выдавался *settlement certificate* (своеобразный документ о прописке), который он был обязан брать с собой при переезде на другое место жительства и который, в случае «попадания в бедственное положение», обязывал его «домашний» приход, помимо прочего, оплачивать издержки по возвращению бедняка на «место прописки». Понятно, что приходы не спешили выдавать такие свидетельства. Поэтому, по сути, данный закон ограничивал свободу передвижения бродяг и нищих по стране — последним было выгоднее оставаться «дома» с гарантией на социальную помощь от прихода.

В 1697 г. Вильгельм III Оранский издал специальное распоряжение о ежегодных проверках материального состояния всех, получающих помощь, и «отсеивании» тех, кто уже в ней не нуждался¹⁰.

Следующей поправкой к закону 1601 г. стал «Акт о проверке работным домом» (1723), его еще называют «Акт Нэтчбулля» по фамилии главы министерства. Смысл его заключался в том, что приходы получили право выбора — осуществлять помощь бедным в форме выплат или организовать *работный дом*, куда пауперы, действительно нуждавшиеся в помощи, помещались в обязательном порядке на определенное время — «проверить, так ли велика их нужда», — и получали там работу, пищу и одежду. Можно сказать, что это постановление дало начало юридическому включению института работных домов в существующую систему социальной помощи.

Работные дома существовали в Англии и до принятия этого закона, хотя чаще всего имели форму «рассеянных мануфактур». В начале XVII в. трудоспособные пауперы, отработавшие свое пособие, трудились на дому под контролем местных купцов. Примерно с 1630 г. в отдельных местностях Англии и Уэльса стали строить специальные здания, в которых хранились материальные запасы прихода и работали пауперы. Такие работные дома не были

¹⁰ Slack P. The English Poor Law, 1531–1782. L.: Macmillan, 1990. P. 55-56.

карательными учреждениями, однако наряду с ними существовали и «дома исправления», предназначенные для ареста бродяг, тунеядцев и нарушителей спокойствия, принуждаемых к «тяжелому труду» с целью «дисциплинирования и возможного исправления»¹¹. В 1696–1697 гг. в Бристолье предприниматель Джон Кэрей учредил небезызвестную «Бристольскую Корпорацию бедных», где можно было получить и отработать денежную помощь. Своими целями Кэрей провозглашал «выравнивание налогов на бедных в пределах городского округа, борьбу с ленью и вовлечение нищих обоих полов и всех возрастов в работу»¹². Многие исследователи называют работный дом Кэрея «просвещенной версией» учреждения для помощи бедным — там был госпиталь для неимущих, рожениц, приют для сумасшедших и беспризорных детей. После нескольких лет функционирования работного дома Кэрей представил парламенту письменный отчет, где говорилось: «Это произвело должный эффект, на улицах не видно ни одного попрошайки или бродяги, а помощь нищим оказывается в нужном месте и в должном объеме»¹³. В итоге примеру Бристоля последовали Уорсестер, Халл, Эксетер, Плимут, Норвич.

В конце XVII века в парламент посыпались предложения о создании акционерных обществ, организующих работу пауперов с целью получения прибыли. Например, у филантропа Томаса Термина был длительный и успешный «пауперный» бизнес, вовлекший 1700 чел.¹⁴. Однако труд пауперов не покрывал расходы предпринимателя. Поэтому в течение XVIII в. работные дома «входили и выходили из моды во многих графствах — в зависимости от смены материальных условий в приходе или администрации»¹⁵. Зачастую работный дом выглядел как «пространство для обитания под одной крышей больных, стариков, беспризорников и нескольких беременных девочек. Они жили вместе и периодически принуждались к работе»¹⁶.

¹¹ Leonard E. M. Op. cit. P. 226.

¹² Nicholls G. Op. cit. P. 353.

¹³ Ibid. P. 353.

¹⁴ Webbs, S. and B. Op. cit. P. 106.

¹⁵ Quirk V. Lessons from the English Poor Laws. Refereed paper presented to the Australian Political Studies Association Conference, University of Newcastle, 25–27 September, 2006. P. 10.

¹⁶ Jones K. Op. cit. P. 7.

«Акт о помощи бедным» 1782 года (или «Акт Гилберта» — по имени Томаса Гилберта, предложившего его в парламенте) разрешил приходам создавать «межприходские» работные дома и разделить, таким образом, ответственность за помощь бедным, объединив финансы. В этом смысле «Акт Гилберта» можно было назвать попыткой преодолеть бессистемность и маломасштабность помощи бедным. Однако и после его принятия в межприходские работные дома помещали лишь стариков, больных и беспризорных детей, а трудоспособные бедняки, как правило, получали социальную помощь на дому — закон давал местным магистратам право обеспечить трудоспособного взрослого паупера работой и без помещения его в работный дом. Фредерик Мортен Иден, в 1797 г. опубликовавший трехтомное исследование «Положение бедных», указывал на то, что в конце XVIII в. некоторые округа и графства по-прежнему сопротивлялись нововведениям и не имели работных домов, предпочитая оказывать материальную помощь «своим местным бедным»¹⁷.

Итак, если обобщить юридическую составляющую «старой» системы помощи бедным, то выводы будут следующими. Под «Старым законодательством о бедных» (*The Old Poor Law*), реформированном в 1834 г., подразумевался не один закон, а целая «коллекция» (больше 50-ти) парламентских актов и королевских статутов, принятых в XVII–XVIII вв. Тремя основными столпами системы были:

- 1) приход как главная административная единица, ответственная за регулирование проблем с бедными, помощь «заслуживающим» бедным и наказание бродяг и попрошаек;
- 2) принцип помощи нуждающимся и неимущим за счет обязательных налоговых отчислений;
- 3) государственное конституирование категорий неимущих, «действительно» нуждающихся в социальной помощи.

Важно учитывать и то, что большая часть упомянутых законов — в особенности те из них, которые были приняты в XVIII в., — носили *разрешающий* характер, а значит, не были обязательны для исполнения по всей территории Англии. Однако в официальных документах, речах, письменных сочинениях первой половины XIX в., непосредственно оформлявших необходимость реформы 1834 г.,

¹⁷ *Eden F. M. The State of the Poor. L., 1928. P. 52.*

одной из основных составляющих «старого законодательства» называлась «Спинхемлендская система» 1795 г., которая вообще никогда не имела статуса закона и являлась ни чем иным, как прецедентом, принятым в одном графстве и впоследствии заимствованным другими. Тем не менее, даже сегодня в специальной литературе фигурирует понятие «закон Спинхемленда»¹⁸.

Собственно, весь «закон» начался с ухудшения экономической ситуации в начале 1790-х гг. 1794–95 годы были особенно неурожайными, что вызвало резкий скачок цен на хлеб и основные продовольственные продукты. В этих условиях мировые судьи графства Беркшир собрались в мае 1795 г. в таверне «Пеликан» в местечке Спинхемленд с намерением установить новый минимум заработных плат на селе и тем самым уменьшить уровень сельской бедности. В итоге была выработана т.н. «спинхемлендская шкала», по которой каждый «бедный и усердный человек» получал от прихода определенную сумму денег как прибавку к жалованью. Шкала представляла собой таблицу, в которой учитывалось семейное положение бедняка, количество детей и действующая цена на хлеб. Если хлеб дорожал, прибавка увеличивалась. Примеру Спинхемленда вскоре последовала почти половина английских графств.

В некоторых других графствах в те же годы действовал иной принцип помощи беднякам, своеобразная альтернатива Спинхемленду — т.н. «Раундсменская» система. Трудоспособные пауперы этих графств, по приказу попечителя по призрению, собирались вместе и путешествовали от прихода к приходу, по фермам и фабрикам, где нанимались за ту минимальную заработную плату, которую им предлагали. Такая система на практике тоже приводила к множественным конфликтам. Оплата труда часто казалась работникам слишком низкой, а фермеры, по словам К. Джонс, «сопротивлялись приему на работу угрюмых и озлобленных мужиков»¹⁹.

Однако почему-то именно прецедент, созданный в Спинхемленде, мыслители и политики конца XVIII — первой половины XIX в. стали приводить как главный аргумент в пользу «порочно-

¹⁸ См., например: Материалы научной конференции «60-летие выхода в свет “Великой ремонстрации” Карла Полаanyi: уроки для России» // <http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/176965.html>

¹⁹ Jones K. Op. cit. P. 6.

сти» всей старой системы законодательства о бедных. Более того, критика Спинхемленда легла в основу первых фундаментальных научных исследований феномена бедности, появившихся в конце XVIII — начале XIX вв. и предлагавших модели и варианты дальнейшего развития социальной политики.

Впрочем, первые попытки критики «старой системы» появились гораздо раньше — еще в XVII в. Великий английский просветитель Джон Локк, состоявший в свое время в специальной Комиссии Министерства торговли, в 1696 г. подготовил отчет, в котором высказывался очень определенно: «Приумножение бедных и рост налогов на их содержание — настолько популярная жалоба, что в этом не приходится сомневаться. Я убежден, что половина получающих помощь от прихода способны сами зарабатывать себе на жизнь. Зло происходит не от недостатка продовольствия и безработицы среди бедных; ...рост бедноты, вероятнее всего, имеет иные причины; и последние — ни что иное как *отсутствие дисциплины и коррупция манер...*»²⁰.

Большинство из тех мыслителей, кто пытался объяснить причины бедности в XVIII в., также основывались на принципе *личной обусловленности* бедности (люди сами виноваты в своей нищете) и считали, что выходом является отказ от дотаций бедным и ориентация последних на *самопомощь*.

Так, Джозеф Тауншенд в 1786 г. опубликовал «Исследование законов о бедных доброжелателем человечества», где высказал идеи, впоследствии развитые Т. Мальтусом и, соответственно, известные под термином «мальтузианство»: «Количество пищи — вот что регулирует численность человеческого вида». Рано или поздно численность населения начинает превышать количество пищи, поэтому в обществе всегда должны быть бедные, которые обречены на голод и нуждаются в работе. Причины роста нищеты, по его мнению, безрассудное размножение бедных, леность и порочность бедняков, лишенных добродетелей протестантской этики, и, конечно же, «старое законодательство», по которому общество должно содержать пауперов. Голод, писал он, идеальное средство принуждения бедных к труду: беднякам «мало известны мотивы, которые стимулируют

²⁰ Quirk V. Op. cit. P. 9.

деятельность более высоких слоев общества: гордость, честь, честолюбие. В результате только голод может заставить их работать»²¹.

Аргументы Тауншенда почти слово в слово повторялись в более поздних сочинениях. В труде Мальтуса «Опыт о законе народонаселения...» (1798) предлагалась знаменитая формула, объясняющая нехватку средств к существованию на всех: население имеет тенденцию к росту в *геометрической* прогрессии, тогда как средства к существованию растут в *арифметической*. «Только прививая беднякам ценности независимости, — вторил Мальтусу через несколько лет Д. Риккардо, — и обучая их не искать постоянно систематической или случайной благотворительности, а надеяться на собственные источники поддержки, ... мы значительно приблизимся к более стабильному и здоровому государству»²².

«Отец утилитаризма» Дж. Бентам перефразировал ту же аргументацию в своей работе «В защиту излишеств. Боль и наслаждение» (1818), настаивая на том, что, проводя жесткие и даже антисоциальные меры в отношении бедных, можно не только блокировать, но и устранять социальные проблемы: «Если сделать помощь бедным *болезненной*, бедные от этого лишь выиграют, т. к. будут стремиться *сами поддерживать себя*, ... и в дальнейшем это приведет их к наслаждению... Бедные перестанут быть паразитами. Им вернут их достоинство». Бентам разработал план «Паноптикона» — некоего прообраза рабочего дома XIX века, в котором должны были содержаться все трудоспособные люди без собственности и без профессии (их он насчитал около миллиона). Суровая диета, изоляция и строгая дисциплина, верил Бентам, сделают бедных продуктивными, трезвыми и замедлят их чрезмерное воспроизводство.

Неперекаемый авторитет для политиков и мыслителей конца XVIII — начала XIX вв. Адам Смит также полагал, что помощь бедным со стороны государства бесполезна и обречена на провал, т. к. она является вмешательством в саморегулирующиеся механизмы рынка, стимулирующие бедных к усердию.

Принципиально иную трактовку пытались предложить У. Годвин, У. Хэзлитт, Ч. Холл. Их объединяла критика в адрес по-

²¹ *Townsend J.* Dissertation on the Poor Law by a Well-Wisher of Mankind. Berkeley, Los Angeles, London, 1971. P. 38, 23.

²² Цит. по: *Jones K.* Op. cit. P. 10-11.

следователей Тауншенда и Мальтуса с морально-нравственных, гуманистических позиций. Так, Хэзлитт в памфлете «Мальтус и свободы для бедняков» (1807) предлагал взглянуть на проблему «глазами бедных». Он обвинял Мальтуса в том, что тот «сделал себя пророком богатых и великих, особенно тех из них, кто не склонен к подаяниям». Мальтус, писал Хэзлитт, «подаст бедному жесткое, как скребок, полотенце, а сам возьмет чистый, белый носовой платок, чтобы стереть помаду со щеки раскрашенной проститутки!»²³. Ч. Холл, врач по образованию, обращаясь к статистическим данным, показывал, что в «силу огромной смертности, особенно детской, среди бедняков, естественный прирост этой части общества крайне низок. Следовательно, заключал он, утверждение Мальтуса, будто нищета народных масс есть следствие их неразумного размножения — ложно. Не невежество и тупость народа является причиной его нищеты, а наоборот, нищета масс — причина их умственной и нравственной неразвитости»²⁴. Вторая общая черта — довольно абстрактные предложения относительно решения проблемы нищеты. Хэзлитт предлагал сократить расходы на роскошь; Холл в качестве идеала видел общество, в котором каждый ведет хозяйство и распоряжается продуктом своего труда; Годвин, отвергавший институт частной собственности в принципе, полагал, что в идеальной общине одинаково скромно обеспеченных тружеников «люди будут приучены к простым началам справедливости и поймут, что ничто, кроме дарований и добродетелей, не дает права на уважение»²⁵.

Возможно, именно поэтому упомянутые мыслители, как и их противники, не отвергали идеи *самопомощи* как выхода из кризисной для бедняков ситуации. Так, Хэзлитт признавал, что налоги на бедных тяжелы для обычных людей, «гуманность которых оказалась обескровленной налоговым бременем, возложенным на них их экономикой», и уповал на то, что «спасение бедняков... начнет происходить *изнутри их круга*»²⁶.

²³ Hazlitt W. Reply to Malthus. Malthus and the Liberties for the Poor. L., 1807. P. 3-6.

²⁴ Hall Ch. The Effects of Civilization on the People in European States. New York, 1965. P. 47-48.

²⁵ Годвин В. О собственности. М., 1958.

²⁶ Hazlitt W. Op. cit. P. 6.

Таким образом, в общественно-политических дискуссиях конца XVIII — начала XIX вв. «вигский нарратив» просто не мог не одержать победу. Две его четкие линии аргументов против старой системы естественным образом накладывались на дискурс и риторику эпохи. Первая перекликалась с «модными» идеями свободы рынка и торговли, предложенными Смитом и его учениками. Вторая исходила из еще более ранних идей и опиралась на ценностную систему протестантизма, связанную с развитием капиталистических отношений. Нормы и ценности протестантской этики (трезвость, трудолюбие, бережливость, преуспевание в делах как свидетельство богоизбранности) перекликались с идеей личной ответственности человека за свое материальное положение. Поэтому несложно было доказать, что систематическая социальная помощь подрывает бережливость, личную ответственность и трудовую дисциплинированность. Кроме того, как указывал тот же Иден, «старая боязнь» бродяг и попрошайек, равно как и стремление к «милосердию по-христиански», постепенно отмирали по мере того, как ускоряющаяся индустриализация ставила задачи обеспечения работой тех, кто в ней нуждался, и использования труда бедняков с наибольшей прибыльностью²⁷.

В русле обозначенных линий аргументов располагались и выводы Королевской Комиссии по изучению законодательства о бедных с целью оценить эффективность системы социальной помощи. В ее отчете, опубликованном в 1834 г. и ставшем официальным поводом для реформирования всего «старого законодательства», особой критике подверглась «спинхемлендская система», которая была названа «колыбелью зла» и «универсальной системой пауперизма»²⁸.

Аргументы были следующими:

1. Спинхемленд распространился практически на половине английской территории — значит, по сути, приобрел статус неписаного закона.
2. Спинхемленд позволял работодателям платить нанятым работникам максимально низкое жалованье, ведь графство все равно

²⁷ *Eden F. M.* Op. cit. P. 26-36.

²⁸ См.: Report from the Select Committee on the Poor Laws (1817), Report from the Select Committee on the Poor Laws (1819), Report from the Select Committee on Labourers' Wages (1824), Report from His Majesty's commissioners for Inquiring into the Administration and Practical Operation of the Poor Laws. L., 1834.

- оплачивало разницу с прожиточным минимумом. Заработная плата бедняков оставалась неизменной, росли лишь налоги на бедных, тяжким бременем ложившиеся на плечи фермеров — основных налогоплательщиков.
3. Нарушались «все прецеденты» помощи бедным, т.к. помощь оказывалась не только немощным, старикам или зависимым, но также и трудоспособным.
 4. Сотни рассказов приходских священников указывали на аморальность и деградацию сельской бедноты.

«Акт о поправках к законодательству о бедных», принимавшийся в условиях забастовок, мятежей, выступлений луддитов в более чем 80 районах страны, был презентован как попытка ликвидации этих безобразий, якобы вызванных несовершенством института помощи бедным. Только к середине XIX в., когда стали всплывать недостатки новой системы, появились попытки переосмысления старой. Одной из первых таких попыток стала «левая», социалистическая трактовка «старого законодательства». Связана она в первую очередь с трудами К. Маркса и Ф. Энгельса; позднее, в конце XIX — начале XX вв., эта трактовка получила развитие в работах фабианских социалистов, супругов С. и Б. Веббов. В «Капитале» Маркса появилось хлесткое название «Кровавое законодательство против экспроприированных», дававшее, по сути, характеристику той части «старого законодательства», которая касалась наказания «упорных» бродяг и попрошайек, — венцом этой части Маркс считал «Акт о наказании бродяг и упорных нищих» 1597 г., который «дал окончательную формулировку закона о бедняках и бродягах». Смысл критики Марксом репрессивной части английского «старого законодательства» заключался в том, что главными жертвами жестоких наказаний он считал *крестьян, согнанных с земель в результате огораживаний* и устремившихся за лучшей долей в города. По Марксу эксплуатация крестьянства осуществлялась с двух сторон: посредством огораживаний и «старого законодательства». Поэтому Маркс ни в коем случае не считал — да и не мог считать — «старую систему» «бедноцентристской», и в этом смысле, конечно же, расходился с «вигским нарративом». Более того, еще одним пунктом его критики были, конечно же, работные дома, на которые была сделана основная ставка при реформе системы социальной помощи в 1834 г. Наконец, и он, и Энгельс положительно оценивали компонент *помощи*

нуждающимся как таковой и налоговых отчислений в пользу последних. В «Немецкой идеологии» (1845) Маркс полемизировал с Риккардо (последний обличал «старое законодательство» за то, что оно «настолько раздуло расходы на содержание бедных, что, если продолжать в том же духе, то вскоре они поглотят чистый годовой доход страны»). Он открыто призывал восстать против «всех этих химер, идей, догм и воображаемых конструкций буржуазного общества», «висящих на шее современного сознания, как хомут». Энгельс же в «Положении рабочего класса в Англии» (1845), подробно анализировавшем бедствия английских социальных низов, повествует о случае, когда полицейский магистрат, вопреки правилам, выдал «значительную сумму из кружки для сбора на бедных» жительнице местечка Спиталфилдз, сыновья которой «были арестованы за кражу из магазина и моментальное поглощение куска говядины». Магистрат отдал такое распоряжение, узнав, что муж женщины, в прошлом полицейский, погиб, и что она ютится с шестью детьми в тесной и грязной комнатенке, продав за еду все, вплоть до мебели и постельного белья. Энгельс восхищается поступком магистрата и приводит его как доказательство необходимости отчислений в пользу бедных. Однако расхождение классиков марксизма с «вигским нарративом» не было полным, т. к. тезис о повсеместной *деградации* сельской бедноты вследствие политики властей, в принципе, подходил к теории классовой борьбы и смены формаций. Как и английские реформаторы первой половины XIX в., Маркс и Энгельс считали, что социальная помощь по спинхемлендскому принципу способствовала моральному разложению как работодателей, в одностороннем порядке перекладывавших расходы по заработной плате на графства, так и работников, чья производительность труда и зарплаты падали²⁹.

Следующий «виток» в оценке «старой системы» произошел в первой половине XX в. Назовем его «неолиберальным», так как, в целом располагаясь в русле традиционной вигской интерпретации, он был лишен ненависти к «бедноцентристской» системе, характерной для риторики первой половины XIX в. Выразитель этого подхода Дж. М. Тревельян называл «старую систему» «хорошим замыслом, приведшим к ужасным последствиям», критикуя, как и его

²⁹ См.: Louis Project: The Unrepentant Marxist // <http://www.louisproject.wordpress.com/2008/02/03/htm>

предшественники, в основном «моральную составляющую» и «спинхемлендскую систему». «Фермер, — писал Тревельян, — не спешил выплачивать должный минимум заработной платы, т.к. разница все равно возмещалась приходом, а рабочий поневоле попадал в категорию пауперов — даже если он был обеспечен работой, ... среди фермеров рос эгоизм, среди «пауперизированных батраков» росли праздность и преступления»³⁰. В то же время Тревельян отвергал аргументы экономистов первой половины XIX в. о том, что именно «спинхемлендская система» привела к увеличению числа бедных. Этот рост был связан, по его мнению, не с увеличением рождаемости, а со снижением смертности: «не глупым мировым судьям Спинхемленда, а хорошим врачам Великобритании обязана тем, что между 1801 и 1831 гг. население Англии, Уэльса и Шотландии выросло с 11 миллионов до 16,5 миллионов человек»³¹.

В середине XX столетия появляется новая интерпретация «старой системы», которую можно смело назвать «ревизионистской», ибо представители ее впервые *действительно попытались* «сбросить с себя хомут» (эта метафора Маркса будет здесь как нельзя кстати) «вигского нарратива». В статье Марка Блога «Миф о старом законодательстве о бедных» (1963) политики и экономисты XIX в. обвинялись в использовании Спинхемленда для «очернения» всей системы социальной помощи с целью создания необходимого настроения для реформы 1834 года³². Автор также указывал, что «достоверность» любых нарративов снижается в силу отсутствия точных данных о расходах и функционировании децентрализованной системы, в которой решения принимались местным чиновничеством и духовенством: «Да, есть сведения о полном объеме расходов в более чем 15 000 приходов, с 1802 по 1834 гг., но мы не можем знать, как именно расходовались средства на социально уязвимые группы — стариков, немощных, бездомных детей, одиноких матерей... В ряде приходов сохранились детальные отчеты о расходовании средств, но все равно трудно восстановить, на каком основании конкретный че-

³⁰ Тревельян Дж. М. История Англии от Чосера до королевы Виктории. Смоленск, 2002. С. 496-497.

³¹ Там же. С. 498.

³² Blaug M. The Myth of the Old Poor Law and the Making of the New // Journal of Economic History. Vol. 23. № 2 (June, 1963). P. 151-184.

люлек получал шесть шиллингов в неделю... *Мальтузианская морализаторская сказка* об угрожающих последствиях помощи бедным победила *перед* тем, как были собраны необходимые данные, и *до того*, как система “произвела свои угрожающие последствия”... Но этот нарратив повторялся в дискурсе — политиками, экономистами, духовенством, представителями Королевских комиссий и пр. так часто, что получил статус “абсолютной научной правды, основанной исключительно на естественном законе”³³.

Вслед за Блогом к похожим выводам пришли Дж. П. Хьюзел и К. Д. М. Снелл: согласно их аргументам, обнищание сельского населения было вызвано отнюдь не «старой системой», а, скорее, массовым перемещением промышленности на Север и деиндустриализацией на Юге страны, увеличением уровня сельскохозяйственной безработицы, упадком ремесла, экономическим спадом после 1815 г. и иными факторами. Социальная же помощь бедным, напротив, защищала сельскую бедноту от безработицы и потери альтернативных источников заработка.

Практически одновременно с появлением «ревизионистского нарратива», в 1940-е гг. Карл Поланьи в своей ставшей классической работе «Великая трансформация» вновь обращается к нарративу «вигскому», причем как к *основе* понимания истории становления социальной политики, посвящая отдельную одноименную главу Спинхемленду. «Утверждая, что изучение Спинхемленда означает анализ истоков цивилизации XIX в., — пишет Поланьи, — мы имеем в виду не только его экономические и социальные последствия и даже не определяющее влияние, которое оказали эти последствия на современную политическую историю, но тот, как правило неизвестный нашему поколению факт, что *все наше социальное сознание формировалось по модели, заданной Спинхемлендом*»³⁴. Так происходит второе рождение «вигского нарратива», который, судя по материалам интернет-конференции, проведенной в 2004 г. в честь юбилея выхода в свет «Великой трансформации», продолжает оказывать существенное влияние на социологическую мысль, и более того, берется за основу рекомендаций в отношении социальной по-

³³ Ibid. P. 182.

³⁴ Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб., 2002. Гл. 7.

литики в современной России. Так, Т. Ю. Сидорина пишет: «Поставленный в центр рассмотрения 7-й главы “Великой трансформации” закон Спинхемленда в реальности вводил право существовать не работая как системе, как практику, причем называя эту практику “правом на жизнь”. Безусловно, в основе закона — требование обязательной работы, доплата полагалась лишь работающим. Но как мы знаем, последствия Спинхемленда оказались столь плачевными, что *иначе как развращающим этот Закон нельзя и назвать*. Люди получили реальную возможность не работать... И при новом режиме, режиме “экономического человека”, никто не стал бы работать за плату, если он мог обеспечить себе средства к существованию, ничего не делая»³⁵. Того же мнения придерживается Р. А. Школлер, который, вслед за Поланьи утверждает, что Спинхемленд препятствовал формированию рынка труда в Англии. При всей антигуманности системы работных домов, считает Школлер, именно Акт 1834 г. создал предпосылки образования национального рынка труда³⁶.

Очевидно, что оценки «старой системы», существующие в сегодняшнем научном дискурсе, до сих пор во многом балансируют между «вигским нарративом» и ревизионизмом. И все же в современной историографии преобладают попытки более взвешенного подхода к оценке «старого законодательства» — подхода, выражаясь словами исследователей Фреда Блока и Маргарет Сомерс, «освобожденного от мифологий и нарративов, сконструированных два столетия назад». Одну из таких попыток представляет собой статья указанных выше авторов. Их основная мысль сводится к тому, что «спинхемлендский эпизод сам по себе не мог привести к последствиям, которые ему приписывают». «Старая система», считают Блок и Сомерс, законодательно закрепляла обязанность, на местном уровне, участвовать в судьбах тех, кто попал в нужду в результате болезни, уродства, распада семьи или временной безработицы. «В то же время, — пишут они, — в действительности в применении на прак-

³⁵ Сидорина Т. Ю. Мифологемы человеческого существования и формирование социальной политики в XIX–XX вв.: К. Поланьи и Л. фон Мизес // Материалы Интернет-конференции «60-летие выхода в свет “Великой трансформации” Карла Поланьи»: // <http://www.Ecsocman.edu.ru/db/msg/176965.html>

³⁶ Школлер Р. А. Чем закон Спинхемленда препятствовал формированию рынка труда в Англии? // Там же.

тике этого законодательства в различных графствах и приходах наблюдались значительные расхождения, т.к. последние экспериментировали с использованием различных стратегий и политик, предназначенных для того, чтобы помочь бедным, защитить их, сохранив при этом стимулы к труду». Значение «старой системы» авторам видится и в том, что «репертуар социальной помощи», который до сих пор обсуждают современные политики, «немногим отличается от перечня мер, применявшихся в Англии в XVII–XVIII вв.». Это минимальный гарантированный доход, страхование на случай сезонной безработицы (в зимние месяцы ряд графств предоставлял сельскохозяйственным рабочим еженедельные дотации в зависимости от размера семьи), общественные работы и работные дома, субсидии работодателям (в ряде приходов фермерам, нанимавшим безработных, доплачивали из фонда, собранного из налогов), стимулирование трудовой деятельности (иногда налог на бедных заменяли насильственным распределением определенного количества безработных), дотации на детей (тем сельскохозяйственным работникам, у которых было два-три несовершеннолетних ребенка и более, доплачивалась определенная сумма к жалованью)³⁷.

Историк медицины Саманта Уильямс дополняет данный список. На основе анализа приходских архивов она утверждает, что к началу XIX в. примерно в трех четвертях приходов юго-востока Англии существовал «аналог обязательного медицинского страхования»: практиковались контракты, между хирургом-фармацевтом (обычная для того времени квалификация врача) и приходом, обязывающие врача оказывать бесплатную медицинскую помощь беднякам. Эти контракты практически полностью вытеснили метод, когда врач выписывал пациенту счет за определенную услугу, а приход его оплачивал. Более того, медицинский рынок благодаря таким «страховым полисам» стал конкурентным, и врачи стремились заключить подобный контракт, чтобы вытеснить соперников³⁸.

³⁷ Block F., Somers M. In the Shadow of Speenhamland: Social Policy and the Old Poor Law // *Politics and Society*. 2003. Vol. 3. № 10. P. 11-12, 32.

³⁸ Williams S. Practitioners' Income and Provision for the Poor. Parish Doctors in the Late Eighteenth and Early Nineteenth Centuries // *Social History of Medicine*. 2005. № 18 (2). P. 159-186.

Пол Слэк, бывший редактор журнала *Past and Present*, автор книг «Бедность и политика в Тюдоровской и Стюартовской Англии» и «Английское законодательство о бедных в 1531–1782 гг.»³⁹, вообще отказывается признавать термины «старое законодательство» и «старая система». Это было, как он считает, скорее «неровное и локальное» регулирование проблем с бедными, «находившее выражение в тысячах тщательно фиксируемых небольших еженедельных выплатах, которые в сумме своей выливались в достаточно обширный трансфер денежных средств от богатых к бедным, ...но которые не удалось объединить «в целиком безличную дисциплинарную машину». Слэк отмечает, с одной стороны, позитивное влияние системы на сознание тех, кто платил налог на бедных: «Для половины домовладельцев сам по себе факт уплаты налога делал их членами уважаемого сообщества и *отгораживал от нищих и нарушителей порядка*... Машина социального обеспечения давала плательщикам этого налога *чувство групповой идентичности* и осознание социального превосходства, одновременно конструируя четко очерченную категорию зависимых бедных». С другой стороны, он признает, что в XVIII в. затраты на содержание бедных действительно выросли, «как в реальных цифрах, так и в восприятии налогоплательщиков и законодателей», и система выглядела неадекватной в новых экономических условиях. Вывод Слэка в целом ближе к ревизионистской трактовке: «Английское “старое законодательство” громче лаяло, нежели кусало. Оно служило ряду целей: установлению более строгого социального контроля, облегчению участи части населения и демонстрации щедрости власти, ее милосердия». Еще один вывод затрагивает «европейский контекст» проблемы. Английская «система» была, по мнению ученого, более эффективной, чем подобные институты в других странах⁴⁰.

Следует отметить, что отдельную группу современных исследований представляют работы, анализирующие английское «старое законодательство» в европейском контексте, при изучении истории других стран. Так, Т. Смит в опубликованной недавно статье «Идеология милосердия, образ английского законодательства о бедных и

³⁹ Slack P. Poverty and Policy...; *Idem*. The English Poor Law, 1531–1782. New Studies in Economic and Social History. Cambridge, 1995.

⁴⁰ Slack P. Poverty and Policy... P. 205–208.

дебаты о праве на вспомоществование во Франции, 1830–1905 гг.» указывает на то, что во Франции дискуссии о социальной помощи долгое время определялись «заграничным примером» Англии: «Французская боязнь любого рода социальных программ имела в своей основе испорченный образ английского законодательства о бедных». Т. Смит анализирует аргументы французских политиков, которые во второй половине XIX в. выступали против социальных дотаций и бесплатной медицинской помощи беднякам, и приходит к выводу, что они «использовали негативный образ английского законодательства о бедных, организовав тщательно инструментированную и дезинформирующую пропагандистскую кампанию»⁴¹.

В русле компаративного подхода располагается и фундаментальный труд П. Линдerta, изучавшего и сравнивавшего социальные затраты в европейских государствах с XVIII века по настоящее время. Согласно его выводам, объем государственных затрат на социальную помощь к концу XVIII столетия превышал 1% национального дохода только в Нидерландах, Англии и Уэльсе. К 1820-м годам Англия и Уэльс, по мнению Линдerta, становятся мировыми центрами социальной помощи, как фактически (2,66 % от национального дохода), так и в публичных дебатах⁴².

Итак, обсуждение английской системы социальной помощи в том виде, в каком она существовала в Новое время, продолжается. На одном полюсе этих дебатов продолжают оставаться те ученые и политики, которые доказывают, что бедняки, пожилые, необразованные — те, кому нужна помощь, — заслуживают ее хотя бы потому, что не виноваты в своей печальной участи. На другом — те, кто считает, что любое перераспределение части налогов в пользу бедных ведет лишь к ухудшению положения последних, т.к. ставит их в ловушку зависимости от общественной щедрости. Характеризуя состояние современной научной мысли по этому вопросу, П. Линдерт совершенно справедливо называет его «вечным диалогом» по вопросу об организованной помощи бедным, который «не заканчива-

⁴¹ *Smith T.* The ideology of charity, the image of the English Poor Law and debates over the right to assistance in France, 1830–1905 // [http.: journals.cambridge.org/article_S0018246X97007553](http://journals.cambridge.org/article_S0018246X97007553).

⁴² *Lindert P. H.* Growing Public. Social Spending and Economic Growth since the 18th century. Vol. I. The Story. Cambridge, 2004. P. 8.

ется», т. к. «не решен конфликт между желанием помочь другим и желанием дать им стимул к самопомощи»⁴³.

По мнению многих специалистов, исторический опыт Англии в XVII–XIX вв. до сих пор оказывает серьезное влияние на социальную политику в США, Канаде и Австралии, определяя публичную полемику о программах социальной помощи. Достаточно упомянуть, например, острейшие дебаты в 1990-х гг. в США, закончившиеся принятием в 1996 г. акта, прекращавшего дотации бедным семьям. Не нужно пояснять, что т. н. «мальтузианская сказка» очень подходила группам давления, лоббировавшим этот акт⁴⁴. Вопросы, которые ставит анализ английского опыта, а именно — какова оптимальная степень вмешательства государства в решение на центральном уровне проблем нищеты и трудоустройства населения, насколько это вмешательство должно зависеть от экономической ситуации или ценностно-культурной системы общества, как социальная политика влияет на сохранение общественного спокойствия и рост благосостояния государства, — крайне важны и для современной России. История английской социальной политики в Новое время — показательный пример достижений и неудач в области поиска необходимого баланса между сохранением мотивации активного участия граждан в экономике страны, наказанием тех, кто уклоняется от труда, не имея при этом собственных средств к существованию, и ответственностью государства и общества за собственных граждан — из милосердия или во избежание социальных потрясений.

⁴³ Ibid. P. 3-4.

⁴⁴ См.: Block F., Somers M. Op. cit. P. 40-41.